

ЛЮБОВЬ ГВОЗДИЛИНА

ДЕВОЧКА В РАЗНЫХ БОТИНКАХ

ИСТОРИИ ИЗ ДЕТСТВА

Любовь Гвоздилина

Девочка в разных ботинках

«Издательские решения»

Гвоздила Л.

Девочка в разных ботинках / Л. Гвоздила — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-504416-7

Эта книга — о любви. К детям, родителям, людям вокруг. Автор пишет о своем детстве, пришедшемся на 50-е годы прошлого века, и называет свои воспоминания «мои маленькие истории любви». Но эти забавные и трогательные картинки из прошлого обращены к сегодняшним родителям: дайте своим детям любовь, которую они от вас ждут. Не придуманную вами, а нужную им. И совершится круговорот любви. А юным читателям будут интересны приключения маленькой непоседы и фантазерки, похожей и не похожей на них.

ISBN 978-5-00-504416-7

© Гвоздила Л.
© Издательские решения

Содержание

От автора	6
Про эпитафию	7
Глава 1. Южинский переулок	9
Вывихнутая ручка и зеленый холм с одуванчиками	10
Царь Салтан верх ногами	11
Про соседнюю Таньку, неправильные буквы и Шалтай-Болтая	12
Косы из зеленой ленты, сороки на палочке и ботики с гагачьим пухом	13
Докторская колбаска «со слезой» и французская булочка «с гребешком»	14
Про бабушку-«королеву», иранского мужа и авторитет в коммуналке	16
Про маму Зиночку	18
Лингвистическое отступление про бабушкин острый язык, прибаутки и деревенские байки	21
Немецкая кукла наизнанку	24
Про игру в «школу», ученого кота Ваську и валенки «за партой»	26
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Девочка в разных ботинках

Любовь Гвоздилина

Помнится, что хочется

Отдельные фрагменты книги, в редакции и с фотографиями, предложенными издательством, были впервые опубликованы в «Московском журнале» (№7, июль 2019 г.)

Идея названия книги Екатерина Андреева-Пригорина

Дизайн обложки Ксения Ионова, Андрей Скоблянов

© Любовь Гвоздилина, 2019

© Ксения Ионова, Андрей Скоблянов, дизайн обложки, 2019

ISBN 978-5-0050-4416-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

От автора

Кто-то сказал, что литература не должна давать ответов. Единственное, что может сделать автор, – это передать свою любовь¹. Я приняла эти слова буквально.

Я не собиралась публиковать свои воспоминания – писала для себя и своих близких. Но, закончив книгу, поняла, что хочу ею поделиться – в моем детстве было много любви. Она не в словах, а в отдельных событиях, которые делали мою жизнь радостной и продолжают оставаться мерилom многого и важного – человеческих отношений, хорошего и плохого, приятия и неприятия происходящего вокруг. И сейчас, спустя шестьдесят с лишним лет, память самым невероятным образом выцепляет из прошлого именно их, мои маленькие истории любви.

¹ Это сказал Андрей Кончаловский в одном из своих интервью, но, возможно, он кого-то цитировал.

Про эпитафию

«Помнится, что хочется». Я услышала эти слова от семилетнего мальчишки, поэтому авторство эпитафии к моей книге принадлежит именно ему.

Мальчишку звали Миша Воробьев, он был несчастьем вожатых младшего отряда в пионерском лагере «Юбилейный», и произошла наша встреча больше сорока лет назад.

Заметки на полях

Пионерский лагерь «Юбилейный» был ведомственным – он принадлежал одному московскому военному заводу. Лагерь был на хорошем счету – большой, красивый и благоустроенный, и его постоянно показывали почетным гостям всех возможных уровней и рангов. А заводские дети ездили в свой лагерь отдыхать с детского сада до самой армии, и в старшем отряде нередко оказывались по «липовым» путевкам 17-летние «ветераны пионерского движения» (хотя официально путевки в летние оздоровительные учреждения выдавались детям до 14 лет). Поэтому и атмосфера в лагере была «семейная» – дети чувствовали себя там привычно, и к детям отношение было, как к «своим». Этим мне «Юбилейный» и нравился. Я ездила туда несколько лет, пока работала в школе, и с удовольствием вспоминаю этот «лагерный период» своей трудовой биографии.

Я работала в лагере старшим педагогом, и почти каждый день вожатые 9-го отряда приводили ко мне Мишу Воробьева на разбор его очередного «полета». Они были практически без повторов, его полеты: Миша убежал, прятался, пролезал, куда было запрещено, набивал себе шишки и ссадины (и даже ломал руку), терял безвозвратно обувь и спортивную форму, а еще укатывал в Москву. Больше 90 километров на автобусе. И все это он проделывал молча, без слез и истерик. Просто проделывал и так же молча возвращался обратно. Или ждал, когда его возвратят. В малышовой отряде было 20 детей, и за всеми надо было смотреть, всех занимать и обихаживать («только носочков 20 пар каждый день стирать и сушить!»), а тут один ребенок стоил их всех, вместе взятых. Вожатые отряда, две молодые пышнотелые работницы военного завода, изнемогали, как они говорили, от Миши и называли его «бедоносцем».

Наш балагур физрук, возможно, читавший Гоголя, утверждал, что Миша – «исторический человек», потому что с ним все время происходят какие-то истории.² Начальник лагеря, «суровый, но справедливый» отставной военный, по разным Мишиным поводам называл его то воробьем-разбойником, то (когда тот сломал руку) стреляным воробьем. Я про себя называла Мишу воробышком – такой он был маленький и хрупкий – и, помню, с напряжением ожидала начала каждого дня – приведет ко мне Мишу, или сегодня обойдется.

Однажды Миша полдня прятался в угольной куче за котельной. Мы уже решили, что он опять удрал домой, и собирались ехать за ним в Москву. Мишу случайно обнаружили рабочие котельной, и он стоял в окружении взрослых дядь и тетя, которые хором возмущались его очередным фортелем. А Миша, опустив голову, их слушал.

Он был худой до тщедушности, с выпирающими лопатками и ребрами, и смешно торчащими грязными коленками. Хотя в этот раз грязными у него были не только коленки – он весь, от пяток до ушей, был перемазан угольной пылью (после того, как мы вымыли его в вожатском душе, отчистить душевую кабину удалось дня через два – настолько крепко въелась в нее серая грязь).

² Н.В.Гоголь назвал «историческим человеком» одного из героев своей поэмы «Мертвые души» – помещика Ноздрева. Именно потому, что тот постоянно попадал в какие-то истории.

Я пришла на место «разборки» позже других, и над Мишей, как гора гнева, уже возвышалась вожатая его отряда. Она явно порывалась потрясти Мишу за плечи, но, похоже, всякий раз передумывала, видя перед собой этот комочек грязи. Поэтому она сотрясала малолетнего преступника вопросами, выстреливая их длинными очередями: «Зачем ты полез в эту кучу? Что ты там забыл? Кого спрашиваю – зачем ты туда полез?». Не поднимая головы, Миша, наконец, тихо пробормотал: «Не помню». «Как не помнишь? Почему ты не помнишь? Что значит, не помнишь?».

И Миша ответил – этой самой фразой, моим эпитафием. Он опять не поднял головы, но по коротко стриженной макушке побежала лукавая складочка, прихватив оттопыренные уши, которые приподнялись и порозовели сквозь угольную пыль. Там, под своей макушкой, Миша явно улыбался, неторопливо растягивая слова: «Потому что помнится, что хочется».

У Миши Воробьева в пионерском лагере «Юбилейный» была своя жизнь, отличная от всех остальных, и он был в ней счастлив. Я поняла это намного позже, когда мне захотелось написать о своем детстве. И я сразу вспомнила Мишу.

Сначала вспомнились его слова, которые стали эпитафием к тогда еще не написанной книге. Потому что они удивительно точно передают избирательность моей памяти: что-то ушло из нее совсем, что-то вспоминается, как нечеткие образы, почти без деталей, или только со слов близких; а что-то помнится до мелочей и запахов, от которых перехватывает дыхание и щеко-чет в носу. Но когда у тебя есть подсказка – помнится, что хочется, – ты уже не удивляешься своим воспоминаниям, а просто радуешься тому, что тебе так хочется вспоминать.

И еще, спустя эти сорок с лишним лет, я сожалею, что тогда, в лагере, я не узнала в Мише себя, не вспомнила, как в своем детстве я тоже сочиняла свою жизнь, в которой мне было интересно и радостно. Мы Мишу «спасали» – от неприятностей, опасностей, ран и ушибов. А ему, как и мне в его возрасте, было нужно понимание и приятие – своих фантазий, неумности, поиска «своей» жизни и радости. Другими словами, ему тоже была нужна любовь.

Я люблю тебя, Воробышек. Признание, конечно, запоздалое, прости, но зато у благодарности нет сроков давности. Поэтому спасибо за все, что хочется помнить.

Глава 1. Южинский переулоч

Мы жили в шестиметровой полуподвальной комнатке коммунальной квартиры в Южинском переулочке (сейчас – Большой Палашевский). Мамина мама, Прасковья Павловна Моргунова, получила это «жилье» от Всесоюзного театрального общества (ВТО) – она много лет работала подавальщицей, как раньше называли официанток, в ВТОшном ресторане на улице Горького (которая спустя время опять стала Тверской). Потом мама вышла замуж, и в комнатке появился папа (хотя после женитьбы родители снимали «угол» или жили в каком-то общежитии), а затем из роддома №1 имени Грауэрмана в нее принесли меня.

На наших шести квадратных метрах можно было только сидеть или лежать, потому что «метры» состояли из мебели – шкафа, двух кроватей и стула. Поэтому значительная часть моей жизни в Южинском проходила в большой коммунальной кухне³.

Заметки на полях

Путь от роддома на Арбате до Южинского переулочка в районе Тверской, Бронных улиц и Патриарших прудов был неблизким, но мои родители прошли его пешком. Папа нес меня, а мама шла рядом, стараясь не проваливаться в снег в легких ботиночках. Папа в спешке и волнении забыл принести в роддом ее зимнюю обувь, и мама не раз об этом вспоминала. Без обиды или огорчения, а просто как факт – папа забыл, и она шла по сугробам в ботиночках.

На многие годы, в детстве и юности, снег стал ритуальной частью моего дня рождения. Москва или уже утопала в сугробах, или снег начинал падать и «ложиться» именно в этот, последний день октября⁴.

Когда мы уже жили в Черемушках, на мой день рождения приходили одноклассники, и папа разрезал припасенный по случаю торжества огромный арбуз (он хранил его на балконе укутанным в одеяло или старое пальто). Это действие неизменно вызывало всеобщий восторг – арбуз посреди зимы! А потом мы с друзьями шли гулять и толкали друг друга в мягкие сугробы. На другой день, по дороге в школу, мы продолжали веселиться, опознавая отметины на снегу – кому принадлежала та или иная «фигура».

³ В нашей коммуналке не было ванны, поэтому на помывку все ходили в Палашевские бани. И меня туда водили, когда я подросла и перестала уместаться в своей оцинкованной ванночке. А ванночка, как и красивая немецкая коляска бежевого цвета, дожила до рождения моей сестры.

⁴ А сейчас я уже и не вспомню, когда в последний раз 31 октября в Москве были сугробы. Изменение климата налицо, и у меня есть свой «градусник» для этого случая.

Вывихнутая ручка и зеленый холм с одуванчиками

Мне чуть больше полутора лет, и мы с мамой идем по улице. С одной стороны от нас изредка проезжают машины, а с другой поднимается высокий зеленый холм с одуванчиками. Мама, наклонившись, крепко держит меня за руку, я изо всех сил выворачиваюсь, пытаюсь что-то разглядеть или удрать, и в конце концов – оказываюсь в больнице с вывихнутой рукой. Мама по разным поводам часто вспоминала эту историю, с неизменным чувством вины: «Однажды я вывихнула тебе ручку».

Мне полтора года, 1955 г.

Спустя какое-то время выяснилось, что мое первое детское воспоминание связано именно с этой историей. Мама в очередной раз ее рассказывала, и я вдруг вспомнила про холм с одуванчиками. В маминых покаяниях по поводу моей вывихнутой ручки таких подробностей никогда не было, но, как оказалось, это трагичное для нее происшествие произошло именно там, и рвалась я, конечно, за цветочками. Сначала мама еще больше расстроилась, думая, что я тоже страдаю от этого воспоминания. Но я совсем не страдала, скорее, наоборот: в памяти осталась радостная картинка солнечного дня, мамы рядом и моря одуванчиков над головой. (Правда, я всегда тревожусь при виде маленьких вертлявых созданий, которые крутятся на родительской руке или норовят вырваться.)

Со временем история про нанесенную мне в детстве травму как-то незаметно стала историей о том, что я помню себя с полутора лет. С чувством вины мама, конечно, не рассталась, это, к сожалению, было ее естественным состоянием, но вывихнутая ручка стала сюжетом второго плана, как доказательство моей ранней памяти.

Царь Салтан верх ногами

На нашей коммунальной кухне людно (в квартире жили 15 человек), шумят керосинки, идет готовка, стирка, мытье посуды, а я сижу на стуле посреди этого шума и гама и читаю вслух сказку о царе Салтане.

Заметки на полях

Со времен Южинского я знала слова «керосинка», «корогаз», «примус» и «плита». Бабушка называла «плитой» любое приспособление для готовки, но, судя по количеству усвоенных мной слов, соседки называли свои приборы по-разному. Главное, что у каждой хозяйки была своя «плита».

А позже, когда мы переехали на Кутузовский, тоже в коммунальную квартиру, там была большая газовая плита на двух владельцев, и тогда в бабушкином лексиконе появилось слово «конфорка». Бабушка очень ответственно относилась к тому, чтобы готовить на «своих» конфорках, и всегда спрашивала разрешение занять соседскую, если была необходимость.

Мне три года, книга в руках, и я уже дошла до козней «ткачихи с поварихой, с сватьей бабой Бабарихой». Проходя мимо, соседки гладят меня по голове, одобрительно кивают, что-то иногда говорят («Молодец какая! Вот умница-разумница»). Я старательно переворачиваю страницы и читаю с выражением: «В синем небе звезды блещут, / В синем море волны хлещут; / Туча по небу идет, / Бочка по морю плывет». В кухню входит соседская девчонка Танька, берет у меня из рук книжку и переворачивает: «Вот дурочка из переулочка, ты же книжку верх ногами держишь. Кто же тебе поверит, что ты читать умеешь?! Ты хоть на картинки смотри – видишь, где у царя Салтана голова?».

Мой ответ в семье цитировали. Трехлетняя акселератка, которая, конечно, еще не умела читать, изрекла: «Я не дурочка из переулочка. Я книжку для людей держу. Чтобы люди картинки смотрели. А сказку я и так вслух знаю» (я путала слова «наизусть» и «вслух»). На бедную Таньку налетела вся кухня. Незадачливой правдолюбке досталось за все сразу – и за то, что сказку испортила, и ребенка обидела, а сама уроков не учит и стихов на память не знает...

Но Танька на меня обиды не держала и не обижала. С четырех лет я уже читала «по-настоящему», и предприимчивая соседка нашла мне применение в своей многотрудной школьной жизни: я ей читала или пересказывала домашние задания. А Танька в это время шила одежду своим куклам или занималась еще каким-нибудь полезным делом.

Про соседнюю Таньку, неправильные буквы и Шалтай-Болтая

Соседка Танька (она называла себя «соседняя», когда стучала в дверь) пыталась приспособить меня делать ее письменные уроки и даже показывала, как пишутся строчные и заглавные буквы. Но из этой ее затеи ничего не получилось. Я упорно рисовала печатные буквы и путала некоторые из них («Ъ» вместо «Р» или «Ш» вместо «Е»). Верхнюю палочку в «Г» я разворачивала в другую сторону, а в букве «А» часто забывала «перекладинку», и получалась буква «Л».

Очень хорошо помню наш диалог с мамой по этому поводу, которая объясняла, что перекладинка нужна, чтобы различать буквы и слова. Я отмахивалась от маминых объяснений, утверждая, что и без перекладинки можно догадаться, какая это буква, потому что нет слова «МЛМЛ», а есть слово «МАМА».

Может, это была вовсе не лень или невнимательность, а уже признаки интереса к филологии как будущей профессии? Смех смехом, но мои аргументы, как мне сейчас видится, тянули на контекстный анализ.

Заметки на полях

Но мама расстраивалась, потому что даже позже, в школе, я вольно обходилась и с буквами, и со словами в стихах классиков. Она называла меня «Шалтай-Болтай». Именно этот персонаж одной из моих любимых книг – «Алисы в Стране Чудес»⁵ – утверждал, что, «когда он употребляет слово, оно обозначает то, что он хочет, чтобы оно обозначало». Но меня это сравнение не огорчало, а, скорее даже наоборот, радовало – мне нравился смешной и непослушный Шалтай-Болтай. И в известном стихике (переводе с английского) Маршака я считала его победителем «всей королевской рати»:

«Шалтай-Болтай сидел на стене, / Шалтай-Болтай свалился во сне. / Вся королевская конница, / Вся королевская рать / Не может Шалтая, не может Болтая, / Шалтая-Болтая, Болтая-Шалтая, / Шалтая-Болтая собрать!»

А мама утверждала, что Шалтай-Болтай – лентяй и незнайка. И в этом мы с ней принципиально расходились.

Но когда я познакомилась с еще одним персонажем – Оськой из повести Льва Кассиля «Кондуит и Швамбрания», я поняла, что нашего полку прибыло. Оська «был великим путаником», перемешивал «сиволапого мужика» с велосипедистом, и получался «велосипый мужик». А сам Оська при этом был очень даже симпатичным мальчишкой и одним из главных героев полюбившейся мне книги.

⁵ На самом деле, Шалтай-Болтай появляется во второй книге Льюиса Кэрролла – «Алиса в Зазеркалье». Но у меня обе книги были в одном издании, и поскольку любимой все-таки была первая – «Приключения Алисы в Стране Чудес», я привожу это название.

Косы из зеленой ленты, сороки на палочке и ботики с гагачьим пухом

Мне года четыре. Родители на работе, бабушка на кухне, а я наряжаюсь. На коротко стриженую голову завязываю зеленую атласную ленту, длинные концы ленты перекидываю вперед, как «косы», на концах кручу большие банты. Достаю из шкафа бабушкины ослепительно белые ботики с отделкой из гагачьего пуха. Их привез из послевоенного Берлина бабушкин младший брат, дядя Илюша, неизменный источник всех интересных вещей в шкафу. Ботики на высоких «пустых» каблуках, в них должны помещаться туфельки на шпильках. Туфелек у меня нет, поэтому приходится с трудом балансировать на разбегающихся каблуках, чтобы не свалиться.

Последний штрих в моем наряде – «браслет»: надеваю на руку елочную игрушку – двух черно-белых блестящих сорок на палочке. Таких игрушек две, я беру вторую в руки как сумочку и выхожу на кухню⁶. В кухне, как всегда, людно и шумно, но с моим появлением (ковылянием на разбегающихся каблуках) все замолкают и поворачиваются мне навстречу. Происходит то, ради чего были все мои старания: «Ой, какая у нас красавица! Да какая нарядница!». Посреди этого разноголосого хора стоит довольная бабушка, радуясь за меня и за ботики, которым нашлось такое триумфальное применение.

Я помню это ощущение – шумного многоголосого приятия, поэтому «выходы» на коммунальную кухню в Южинском переулке остаются в памяти радостным и очень важным для меня воспоминанием.

⁶ У моего «одеяния» был еще один вариант – я привязывала сорок как банты на ленту. Тоже было красиво, но уже без браслета, да и сороки стягивали ленту с головы, приходилось ее все время поправлять.

Докторская колбаска «со слезой» и французская булочка «с гребешком»

Почти каждое утро мы с бабушкой совершали путешествие через улицу Горького в Елисеевский магазин и Филипповскую булочную.

Это было раннее путешествие, потому что мы шли покупать продукты для завтрака. Помню этот утренний диалог: «Прасковья Павловна, ты уже пошла за продуктами?» – «Уже пошла».

Сначала мы с бабушкой заходили в Елисеевский. Бабушка покупала 50 граммов докторской колбасы – упругой, вкусно пахнущей, с ямочками на срезе, наполненными прозрачной желеобразной жидкостью. Бабушка называла такую колбасу «со слезой», и знакомые продавщицы всегда ей эту «слезу» показывали, перед тем, как отрезать наши 50 граммов. Бабушка кивала, колбасу резали и завешивали, попутно у женщин начинался разговор, а я в это время разглядывала в рыбном отделе осетровые головы на льду.

Именно головы, а не тушки, но они были так уложены, будто рыбы высунулись наверх из ледяного крошева. Дальше этого места бабушка мне не разрешала отходить, а мне и не хотелось, потому что прилавков с осетровыми головами меня каждый раз буквально гипнотизировал. Они и сейчас у меня перед глазами, эти осетры, с задранными тонкими носами, черно-белые, нарядные, на искрящемся от подсветки льду.

Когда я увидела их в первый раз, я сказала, что у рыбок Новый год. Бабушка и продавщицы смеялись, но, многократно приходя в магазин, я утвердилась в мысли, что здесь навсегда поселился новогодний праздник.

Рядом с осетрами стояли белые эмалированные лотки с черной и красной икрой, которые тоже красиво смотрелись в подсвеченной витрине. Но икра не вызывала у меня праздничного настроения, скорее наоборот, – я воспринимала ее как лекарство. Меня кормили рыбьим жиром, главным общеукрепляющим и противорахитным средством Советского Союза, а когда я болела, к рыбьему жиру для усиления действия иногда добавлялась черная икра. Все вместе получалась одна общая гадость, помноженная на температуру, насморк и запрет выходить на улицу. Так я и относилась к икре – как неизбежности при болезни. Родители расстраивались, потому что икра стоила дорого для их зарплат, и они старались, чтобы ребенок выздоровел. А неблагодарный ребенок на дорогостоящее лечение фыркал, зато, замирая от восхищения, мог бесконечно долго разглядывать остроносые осетровые головы.

Бабушка заканчивала разговор с продавщицами, мне выдавали полагающуюся по случаю конфетку, и мы переходили из Елисеевского в Филипповскую булочную. Здесь все было буднично: бабушка покупала французскую булочку за 7 копеек, и мы шли домой. Иногда в булочной покупался еще и сахар – «мантулинский», в синей пачке.

Заметки на полях

Про московский сахаро-рафинадный завод имени Мантулина я, конечно, узнала намного позже. Из детства осталось название «сахар в синей пачке» и убежденность в том, что другого сахара быть не может. Много лет спустя, когда мы уже жили в Черемушках, и бабушка сама не могла ездить по магазинам, я, не помню, по какому поводу, решила ей сделать такой подарок и отправилась на Красную Пресню, в фирменный магазин фабрики им. Мантулина, чтобы купить там сахар в синей пачке. В другом месте в Москве его уже не было.

Завершив покупки, мы выходили из магазина, переходили улицу Горького и останавливались. Начиналась важная часть нашего утреннего ритуала: бабушка отламывала мне

корочку от французской булочки, которую мы называли «гребешок». Длинный, хрустящий, невероятно вкусный. До перехода через улицу отламывать корочку было нельзя: сначала неприлично – что подумают знакомые продавщицы; потом надо было внимательно смотреть на дорогу, чтобы не попасть под машину, а вот на бульваре – самое время. Бабушка меня хвалила, если гребешка хватало на дорогу до дома, и выговаривала, если я съедала его быстро. Я и сейчас знаю, что бабушка «дело говорила»: если я быстро съедала хлеб, то начинала икать и так до самого дома (а икать «на людях» – некультурно). Я очень старалась есть медленно, чтобы получить гребешок в следующий раз, потому что особенно вкусным он был именно на улице. И бабушка это откуда-то тоже знала.

Дома заваривался чай (из пачки «со слоном»), разрезалась обезглавленная французская булочка, нарезалась колбаска, и мы завтракали. Конечно, в моем детстве были какие-то кашки и другая еда. Но запомнился именно этот ритуал, с булочкой и колбаской, как начало хорошего дня.

Про бабушку-«королеву», иранского мужа и авторитет в коммуналке

Мою бабушку в коммуналке называли по имени-отчеству – Прасковья Павловна, хотя соседки мне запомнились по именам: Надежда, Клавка, Верка, Танька. Так они обращались друг к другу, так говорила бабушка (а своих родственников она еще называла по фамилиям и прозвищам: Моргуновы Александровские, Моргуны дальние, Воронцы (Воронцовы)).

Бабушка, невысокого роста, плотная, с грубоватыми чертами лица и густыми пепельно-русыми волосами, которые она умудрялась прятать в тугой неказистый пучок, всегда держалась с большим достоинством. Как же, она работала с артистами, всю московскую театральную элиту знала по именам-отчествам, и они ее знали, за много лет работы в ВТО. Качалов, Бабочкин, Яншин, Жаров и многие другие называли ее Пашенькой, расспрашивали о жизни, жаловались на свои, и бабушка знала про их особые привычки и вкусы. Я слышала из ее рассказов, как какой-нибудь большой артист подзывал ее и тихонько говорил: «Пашенька, ты мне водочки холодной принеси, но так, чтобы не увидели и компанию не составили. Нельзя мне сегодня в компании пить...».

Несмотря на свое «недворянское» происхождение (ее семья была из деревни Александровка в Смоленской губернии), бабушка держалась королевой. Она считала себя коренной москвичкой, потому что ее мама, моя прабабушка, успела пожить в Москве и была здесь похоронена. Так бабушка и говорила: «Я москвичка, у меня здесь мать похоронена». Характер у нее вполне соответствовал королевскому статусу – твердый и самостоятельный.

Бабушка со мной на руках и маленькая соседка, 1954 г.

В бабушкиной жизни было загадочное «восточное замужество», так и оставшееся во многих обстоятельствах семейной тайной. В голодные 20-е годы она уехала куда-то на юг, предположительно в Баку, и там вышла замуж за иранца Аббаса Мамеда, который торговал с Россией чаем. Родила маму и вскоре сбежала с ней, крохотной, через форточку от своего богатого мужа, когда тот собирался увезти их к себе на родину (я сама и не раз слышала от бабушки о том, как она сначала просунула в форточку запеленатую маму, опустила ее на полотенце, а потом вылезла сама). Свидетельством этой истории была мамина метрика (документ о рождении) с экзотическим отчеством – Абасьевна (с одной «б»)⁷ и кожаная коробочка из-под чая с дорогими украшениями.

Заметки на полях

⁷ Мамино экзотическое отчество осталось только в документах – в жизни ее всегда звали Зинаидой Андреевной.

Из украшений мне запомнились клипсы с бриллиантами в форме цветочков, брошь и кольца с разноцветными камнями, золотая цепочка красивого плетения.... Эта коробочка была одной из моих детских игрушек – бабушка относилась к ней без пиетета, и сама вытаскивала ее из своего шкафа, чтобы меня занять.

Много лет спустя, когда мне нужен был костюм для исполнения восточного танца, бабушка твердой рукой обломала сложные винтовые замочки от клипсов и нашла бриллиантовые цветочки вместе с другими драгоценностями на бархатный ободок мне на голову. Получилось очень красиво, а мой тренер тревожно прижимала к себе этот бесценный головной убор до и после выступления, чтобы с ним ничего не случилось. К сожалению, коробочка с украшениями в семье не осталась – затерялась среди одежды, которую после бабушкиной смерти забрали «на память» ее дальние родственники.

Бабушка окончила 4 класса церковно-приходской школы, но быстро считала в уме (сдачу в магазине и мои примеры по арифметике, когда я пошла в школу), говорила прибаутками и знала наизусть многих русских поэтов. Свои первые стихи, отрывки из Некрасовских поэм «Саша» («Плакала Саша, как лес вырубали...») и «Мороз, Красный нос» («Не ветер бушует над бором...»), я выучила с ее слов.

А еще бабушка «знала приличия». Я твердо усвоила, что с голыми ногами и руками «в город» выходить неприлично, надо «прикрываться» (надевать чулки и пыльник – легкое летнее пальто). Бабушкино веское слово, как правило, было последним в соседских спорах, хотя кухонные разборки она не жаловала – величественно уходила в свои шестиметровые покои.

Бабушка ни с кем «не выясняла отношений», не только на кухне. Уронит одну-две острые фразы и замолчит или вовсе удалится. И нежных чувств она словами особо не выражала – ни к маме, ни ко мне или позже – к моей младшей сестре. Но я точно знаю, что у бабушки была своя «формула любви» – она всегда и надежно была рядом⁸. В детстве я об этом, конечно, не думала, я просто жила в этой любви, как в прочном коконе, а сейчас вспоминаю события и вижу зримый образ бабушкиной «формулы».

Однажды, года в четыре, я упала с железной лестницы – летела несколько ступенек вниз и, конечно, испугалась и ушиблась, но, как оказалось, думала о другом. Потому что, когда появилась бабушка, я, всхлипывая, проговорила: «Я падаю, падаю, а тебя все нет». И непривычно притихшая бабушка, поднимая меня и укутывая полами своей кофты,⁹ повторяла: «Здесь я, здесь я». С этим ощущением я и жила.

⁸ Бабушка, как это принято говорить, «вырастила» нас с сестрой – мы никогда не ходили ни в ясли, ни в сад.

⁹ Бабушка в трудной ситуации всегда укрывала или укутывала – платком, полами своей одежды, одеялом. И всегда помогло – уходил страх, боль, обида.

Про маму Зиночку и папу-«примака»

Я никогда не слышала, чтобы мою маму называли Зинкой, как было принято в нашей коммуналке, – только Зинаида или Зиночка. И не просто из уважения к бабушке – мама работала учительницей в школе, преподавала иностранные языки. Для коммуналки это был высокий статус, и мама его, конечно, заслуживала – была образованной, скромной, доброй и красивой.

Мама (слева) с подругой, 1951 г.

Когда мама вышла замуж за папу, в коммуналке ее сначала «не одобрили» – все ожидали для Зиночки «хорошей партии», а папа приехал из украинской деревни. Но он смог восстановить мамину репутацию в глазах соседок – сначала обаял их веселым характером и приятным обхождением (когда папа появлялся на кухне, соседки «водили вокруг него хороводы», как говорила бабушка), а потом и вовсе «стал начальником» – ходил с портфелем, в шляпе и кожаном пальто.

Только бабушка не поддавалась папиному обаянию и начальственному виду – она так и не приняла его как достойного мужа для единственной дочери. Называла папу «хохляндией» (а меня, если ругала, – «хохляцкой породой» и «чумичкой деревенской») и отвергала все его попытки «породниться».

Папа (справа) с другом, 1948 г.

На самом деле, папа мог приехать откуда угодно и получить от бабушки такой же «от ворот поворот», потому что у нее был свой достойный кандидат в мамины мужа – «солидный такой мужчина с хорошей квартирой в центре Москвы и положением». Бабушка изо всех сил старалась «выбиться в люди», и мама училась в одном из лучших столичных вузов. А, получается, для кого были ее старания – «для телка деревенского (папа был на 4 года младше мамы), ни кола, ни двора, ни гроша в кармане».

Мама (крайняя справа во втором ряду) среди однокурсников и преподавателей факультета, 1947 г.

Заметки на полях

Мама в 1947 году блестяще окончила факультет иностранных языков Московского городского педагогического института им. В. П. Потемкина (который потом объединили с МГПИ им. Ленина, или Ленпедом). О том, что мама была лучшей студенткой факультета, я знала от ее подруги-однокурсницы Ираиды Эрастовны Воронцовой, а позже услышала от одного из маминых профессоров. Когда я пробовала сдавать экзамены в Ленпед (пошла туда за компанию с подругой и, конечно, не поступила), Владимир Дмитриевич Аракин, известный советский филолог, был председателем моей экзаменационной комиссии и вспомнил (через 25 лет!) мою маму: «Зиночка Моргунова! Это была наша самая яркая звездочка».

Мама всегда была тонким буфером между папой и бабушкой, двумя сильными, независимыми характерами, и один бог знает, чего ей стоило «уживать» мать и мужа под одной крышей и в конце концов съехаться всем вместе в нашу первую отдельную квартиру – малогабаритную хрущевку в Черемушках. Но даже тогда бабушка не утихла, а пока мы жили в ее шестиметровке, папа был безоговорочно записан в «примаки».

Я, конечно, слышала бабушкины высказывания в адрес папы, но в детстве никогда не чувствовала, что в семье был конфликт. Я поняла это намного позже. А маленькой я просто считала, что бабушка такой и должна быть – на всех ворчать смешными словами, все знать и всегда «дело говорить» – по-другому и быть не может.

Лингвистическое отступление про бабушкин острый язык, прибаутки и деревенские байки

Бабушкино ворчанье стоит отдельных воспоминаний. Она не ругалась «плохими словами» (в нашей семье вообще никто никогда не ругался матом, и я его физически не выношу). Но отсутствие «крепких» слов бабушка с избытком восполняла яркими образами. Видимо, поэтому в памяти и остались «картинки», нарисованные ее острым языком.

«Ты что – верблюд двугорбый, чтобы при детях плевать? Так и верблюд за тобой не угонится – гляди, сколько налузгала» (это про тетку, которая грызла семечки около нашего подъезда). «Иди, друг ситный, откуда пришел. И не так себе иди, а быстро» (так бабушка выпроваживала с нашего двора случайно забредшего туда пьянчужку). «Ах ты, морда твоя усатая. Накрутят тебе когда-нибудь хвоста по самый копчик, будешь знать» (это бабушка приветствовала кота Ваську, который лез в форточку после очередного загула). «Я твое бескультурье с батареи убрала, в таз кинула. Витька заходил, а тут нате вам». Соседка, забирая из таза свое нижнее белье, отшучивалась: «Ой, да ладно, Прасковья Павловна, а то Витька исподнего не видел. Мое-то получше, чем у его Верки». Бабушка: «Мели, Емеля, твоя неделя. Я вот послушаю, что Верка на это скажет, если уши не отсохнут».

Насчет исподнего бабушка тоже высказывалась: «Ты еще сюда в исподнем заявись. Люди же вокруг» (это соседке, которая пришла на кухню в «полуголом халате»). Коммунальные жители очень охотно объединялись в таких случаях вокруг бабушки, и я тоже твердо знала, что «людей надо уважать». «И фамилия твоя Балаболкина» (бабушка нередко давала людям разные «фамилии» – соседкам особенно, но и мне доставалось; помню еще Бестолковкину и Пустомелину).

Я постоянно донимала бабушку вопросами по поводу ее высказываний. Как это «язык без костей»? Он же у всех без костей, почему она только про одну соседку так говорит?

Я рано начала говорить («с пеленок», как говорила бабушка)¹⁰, легко запоминала стихи и не только – повторяла за всеми услышанное, обычно слово в слово. И моя малообразованная бабушка почувствовала мои «лингвистические наклонности» и в какой-то момент, мне тогда было года три, стала заметно оберегать меня от словесного мусора. Выпроваживала с кухни, когда там начинались разборки, осаждала соседок: «Ну-ка, не болтай помелом, а то, видишь, мой „баный лист“ уши наострила, сейчас пристанет». И сама, отвечая на мое любопытство, поправляла себя и меня наставляла: «Плохое это слово, некультурное. Ты в другой раз так не говори». Но, несмотря на бабушкину цензуру, память все равно сохранила многое из ее словесного творчества.

Бабушка часто «поминала» черта и шута. Черт, как правило, был лысым («Черта лысого ты там купишь»), а шут, конечно, «гороховым». Под это определение попадали самые разные люди, независимо от гендерной принадлежности, и речь, как правило, шла о не соответствующем месту поведению или внешнем виде («вырядилась, как шут гороховый»). Но этот любимый бабушкин персонаж мог просто поминаться всуе, вполне себе незлобиво («шут его знает», «а на шута он тебе?», «шут с ним»).

Заметки на полях

¹⁰ Бабушка рассказывала, как я, лежа в коляске, пугала прохожих, басовито и четко давая ей указания: «Не надо туда. Домой иди». Прохожие вздрагивали, оборачивались, и бабушка сокрушалась: «Вот напасть, ей богу, – в пеленках же еще, откуда что берется? Прямо перед людьми неудобно».

Бабушка своими «образами» очень точно описывала атмосферу нашей коммунальной кухни: «Чего ты со своей кастрюлей как с писаной торбой туда-сюда носишься? Ставь на мой стол, вот место тебе подвинула».

«Туда-сюда носится», «вальсы крутит», «хороводы водит», «перед глазами мельтешит», «на одном месте топчется», «круги наматывает», «тараканьи бега устраивает», «блохой скачет», «как истукан, застыла», «лежмя лежит» и пр. – именно так выглядело наше никогда не прекращавшееся коммунально-броуновское движение.

В бабушкином лексиконе часто встречались цитаты из классики: «Ну, ты скажи, что за человек такой несуразный? Не мышонка, не лягушка, а неведома зверушка». «Сказка ложь, да в ней намек. Вот и раскинь своими мозгами». «Толоконный твой лоб».

Когда мы оставались вдвоем, бабушка читала мне по памяти стихи, которых знала много, особенно большими текстами – из Некрасова. Других поэтов – Пушкина, Лермонтова, Фета – она тоже помнила, но чаще отдельными «куплетами», и, когда я начала читать сама и позже, проходя школьную программу, я с удивлением обнаруживала в стихах классиков знакомые с детства строки («Эй, пошел, ямщик!..» – «Нет мочи. Коням, барин, тяжело. Вьюга мне слипает очи, все дороги занесло»). Бабушкины цитаты не всегда были точными («мутное стекло» вместо «бледного»), и я часто спотыкалась, вспоминая «правильный текст», потому что бабушкина версия намертво въедалась в память. И главное, я почти всегда была согласна с ее редактированием.

Помимо стихов, бабушка знала какие-то самодельные сказки – про леших, русалок, кикимор и прочую фантастическую живность. Несмотря на узнаваемость персонажей, больше я таких сказок никогда не слышала – видимо, так их сочиняли в деревне. Многие сказки мне казались нескладными – почти без сюжета, «что вижу, то пою», и они плохо запоминались. Когда я пересказывала их маме, мы с ней подолгу разбирались, кто же все-таки утонул в болоте и куда делась русалка, про которую была сказка. Мама читала мне хорошие книги, содержание которых я запоминала легко и сразу. Но бабушкины «нескладушки» я все равно любила слушать, а сказку про лешего, от которого прятались съедобные грибы, и ему доставались одни поганки, я несколько лет спустя даже рассказывала в школе на каком-то конкурсе сказок и получила награду.

Но больше всего в исполнении бабушки мне нравились деревенские байки – истории, которые случались в Александровке, откуда бабушка была родом. Как дом однажды строили, «а бревен нету; к приказчику идти просить – так он не даст, значит, одна дорога – в лес, воровать; а в лесу – мороз жгучий да бурелом колючий» ... Или еще про слепую девушку Варю, которая «не пропала, потому что рукодельная была и плела занавески кружевные, чтобы сквозь дырочки солнышко в дом заглядывало; и люди ей копеечку давали или хлеба кусочек»...

А еще бабушка рассказывала театральные истории, услышанные от знаменитых артистов в ресторане ВТО. Всегда с уважением к их трудной работе и сочувствием к слабому здоровью (сюжеты многих историй были про потерянный голос или «прострел в спине», «а пьесу уже начинают, и в зале полным-полно народу, вот беда»).

Заметки на полях

Я помню бабушкины «философские» афоризмы уже более позднего времени. «Настя, ну что ты все ладишь свое.¹¹ Не „филюганка“, а „хулиганка“ надо говорить. Ведь сколько лет в Москве живешь. И девчонкам уши своим бескультурьем забиваешь». «Думаешь, теплые

¹¹ Тетя Настя (Анастасия Павловна Моргунова) – бабушкина младшая сестра, тихая и незаметная, особенно рядом с бабушкой. У нее не было своей семьи, и она часто приезжала к нам в гости.

штаны не надела, так сразу красавицей стала?» (это мне, конечно). «Это материно диетическое. Нормальная еда вот стоит» (у мамы была больная печень, и бабушка ей готовила отдельно). «Это почему ты толстая? Сама бы до такого не додумалась – в доме зеркало есть. Не иначе кто по большой дружбе подсказал». «Темень уже, а ты сидишь на голодный желудок, глаза портишь» (я шью себе платье на день рождения подруги). «Она-то на твой день рождения бисером не рассыпалась, пришла в чем было». Я с возмущением заступаюсь за подругу. Бабушка неожиданно миролюбиво соглашается: «Не кипятись ты, это я так, в сердцах. Хорошая она девочка. И мать у нее уважительная. Давай помогу, наметку повыдергиваю». «Нечего философию разводить, или подметай, или иди уже на свое комсомольское проседание».

«Хотеть надо меньше». «Раз приспичило, тогда упирайся до конца». Это мои любимые цитаты от бабушки. Очень помогают по жизни.

Немецкая кукла наизнанку

Я не помню свою любимую игрушку и не уверена, что она была. Может, числился какой-нибудь плюшевый мишка, как у многих моих сверстников. Знаю, что у меня не было кукол, и я не умела с ними играть, а единожды проявленный к кукле интерес стал семейной историей.

Куклу привез бабушкин брат дядя Илюша, в очередной раз вернувшись из командировки в Берлин. Она была как живая, с трогательными складочками на руках и ногах, улыбчивой фарфоровой мордашкой и струящимися локонами, моргала глазками и говорила «мама».

Я с немецкой куклой, 1958 г.

Смотреть куклу собралась вся наша коммунальная квартира, приходили и другие соседи по дому. Куклу выносили в коридор, в кухню и показывали в окно многочисленным желающим увидеть немецкое чудо. Потом папа привел соседа с фотоаппаратом, и меня сфотографировали с куклой в руках. Мои родители, глядя на эту фотографию, всегда смеялись – когда нам принесли отпечатанные снимки, дорогой немецкой игрушки уже не было. Кукла прожила ровно столько, сколько мои родственники пили с соседями чай на общей кухне, оставив меня в комнате получать удовольствие от подарка.

Когда они вернулись, кукла была разобрана на мельчайшие детали, вплоть до улыбающейся челюсти, которая тоже оказалась съемной. Я вытащила и разобрала пищаний механизм, который говорил «мама», все соединительные детали двигающихся рук и ног, одним словом, все, что можно было отсоединить. Куклина одежда была вывернута наизнанку – я проверяла, нет ли там внутренних пуговиц или петелек, которые можно расстегнуть. Глядя на грудку запчастей, разложенных по кровати, дядя Илюша неодобрительно отозвался о немцах – могли бы сделать куклу попрочнее, если четырехлетний ребенок разобрал ее за полчаса. Тему, уже на другой день, продолжила бабушка. Она показывала соседкам на кухне куклину одежду и возмущалась, что оборки на платье и чепчике не пристрочены, а пришиты тонкой нитью вручную, – «отпороть, как плюнуть». Соседки соглашались.

Я не знаю, почему я разобрала куклу. Сейчас я могу придумать разные объяснения и подвести под свой детский поступок кучу теорий. Но я помню эту историю именно такой, «беспричинной», потому что мне никто не задавал вопроса, почему я это сделала. Мама однажды

сказала, что я была любознательная, поэтому и разобрала – хотела посмотреть, что внутри. Возможно, но я больше никогда ничего на запчасти не разбирала. История с куклой осталась семейной легендой.

Про игру в «школу», ученого кота Ваську и валенки «за партой»

У меня есть еще одно воспоминание про свои детские игрушки – когда я играла «в школу».

Заметки на полях

Я бы могла играть в школу, даже если бы моя мама не была школьной учительницей – в школу играют многие дети. Но моя жизнь действительно была наполнена маминной работой. Или, точнее, маминым отсутствием, потому что она была на работе.

Мама – классный руководитель 7 «А» класса 78 школы Перовского района, 1976 г. Фото из архива Татьяны Чернышевой

Мама никогда не работала рядом с домом – всегда ездила на другой конец Москвы, потому что она трудилась там, где была нужна, а не там, где ей было удобно. И почему-то школы, в которых она была нужна, находились от дома далеко (когда мы жили на Кутузовском проспекте, мама работала на улице Яблочкова в районе Тимирязевской академии; позже из Новых Черемушек на юго-западе Москвы мама ездила на 3-ю Владимирскую улицу, это район Перово на северо-востоке).

А по вечерам мама проверяла ученические тетрадки. Эти стопочки тетрадей присутствовали в нашей жизни ровно столько, сколько мама работала, до ее выхода на пенсию. Своего рабочего стола у мамы дома никогда не было, и она, стараясь быть незаметной, пристраивалась со своими тетрадками там, где затихала домашняя активность, и сосредоточенно писала в них что-то красным карандашом или ручкой.

Моим главным «учеником» был кот Васька, но он редко сидел там, куда я его сажала, а чаще убегал. Наверное, из-за Васькиной непоседливости я стала подбирать ему более усидчивых «одноклассников». Это были самые разные предметы, которые я могла найти на время игры, главное, чтобы они были «большими» – мне почему-то хотелось учить больших учеников, как у мамы. Поэтому в дело шли подушки (перепоясаешь подушку бабушкиным поясом, на «голову» – свою панамку или папину шляпу – вот тебе и «ученик»), ватник и прочие «крупные» вещи.

Однажды среди учеников оказались бабушкины валенки. Я их долго готовила к занятиям: поставила голенищами вниз, на «головы» завязала косынки, вырезала из бумаги глаза-

кружочки, послунывила и прикрепила к ворсистой поверхности. Какое-то время «глазки» держались, но потом подсыхали и падали, и их приходилось прилаживать на место. Но главное, что валенки как ученики вели себя дисциплинированно – стояли парой ровно и никуда не убежали, в отличие от Васьки.

Как-то у меня «в классе» оказались детские санки. Соседские деревянные санки с загнутыми вверх полозьями. Я поставила их вертикально и надела сверху бабушкину кофту, застегнув ее на все пуговицы и аккуратно сложив на «животе» рукава. На загнутую часть полозьев, как на голову, повязала большой платок и очень удачно приладила под ним бумажную маску лисички. Другой маски у меня не было, но и эта подошла как раз кстати – «ученица» получилась на славу. Когда мой шедевр увидела одна из соседок, она, вдохновившись, принесла лыжные штаны и обрезанные валенки (бурки). Мы натянули штаны на санки, разложили спереди «ноги» и заправили их в бурки. Получилась большая «сидячая ученица».

Однажды, когда я «набирала класс», еще одна соседка дала мне длинную дырявую корзину без ручки и летнюю шляпу с полями. Эта плетеная «ученица» тоже оказалась красавицей – в шляпе, мамином газовом шарфике, кисейной накидке с бабушкиной подушки и белыми ботинками вместо ног. Именно она вдохновила меня на будущие примерки ботиков, накидки и прочего найденного мной реквизита и проведение «дефиле» на нашей коммунальной кухне.

Когда соседка Танька давала мне поиграть свою резиновую куклу в самодельной одежде или плюшевого мишку, я невежливо отказывалась – мне было неинтересно с такими учениками, потому что я ничего не могла из них сделать. Танька предлагала завязать мишке бантик или платочек, но он все равно оставался мишкой. Корзина, превращенная в ученицу-красавицу, мне нравилась намного больше.

Я помню еще несколько своих «учеников», но весь перечень может затянуться. «Класс», как правило, состоял из трех-пяти персонажей. Я брала в руки книжку, карандаш вместо указки, что-то диктовала ученикам и водила перед ними карандашом, показывая, что надо записывать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.